

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александра
МАРИНИНА

Оборванные нити

Том 3

ЭКСМО

МОСКВА

2 0 1 3

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 26

Маринина А.

М 26 Оборванные нити : роман в 3-х т. Т. 3 / Александра Маринина. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-64189-5

Судмедэксперт Сергей Саблин — человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный — многим кажется грубым, с тяжелым характером. Да что там многим — всем, включая родную мать и любимую женщину. Но для врача Саблина истина — главное, на сделки с совестью он не идет, чем бы его ни приманивали и чем бы ни грозили люди, заинтересованные в тех или иных выводах вскрытия...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64189-5

© Алексеева М.А., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА 3

И снова наступила середина декабря. Как-то незаметно миновал год в новой должности. Саблин по-прежнему вскрывал трупы и дежурил в составе следственно-оперативной группы, работа Бюро более или менее наладилась, и вполне можно было подумать о дне рождения. Правда, на этот раз дата не круглая, но зато и нервовотрепки меньше, чем в прошлом году.

День рождения пришелся на середину недели, и Сергей, чтобы сохранить к вечеру хотя бы немного сил и бодрости, взял себе только одно вскрытие — несложное и не требующее много времени: пожилой человек умер дома, все диагнозы известны, все сведения от лечащих врачей получены. С утра секционную занимали врачи, вскрывающие четыре трупа, доставленные с места автокатастрофы, а исследование трупа пожилого мужчины предполагалось провести после этого.

Всю первую половину рабочего дня Саблин занимался обычной текучкой, радуясь, что хотя бы сегодня не возникает никаких неожиданных проблем. Наконец, ему сообщили, что секционная освободилась и можно готовить труп для вскрытия. Сергей попросил Светлану сделать ему чай с сухими.

— Сергей Михайлович, — сказала она, ставя перед начальником чашку и блюдо с пятью сушками, — там вас мужчина спрашивает, в регистратуре.

— Кто? — недовольно спросил он: Сергей не любил, когда его отвлекали пустыми разговорами даже перед несложными вскрытиями. — Кто-то из родственников? Или милицкий?

— Да ну, милицеских я всех в лицо знаю. — Светлана, похоже, даже обиделась. — Такой забавненький. Но на родственника не похож, больно морда сияет. Так что, пригласить? У него пакет в руках нарядный. Наверное, с днем рождения вас поздравить хочет.

— Ладно, — кивнул Саблин, — если забавненький, то приведи, пусть настроение поднимет.

Через несколько минут Светлана снова открыла дверь и пропустила в кабинет начальника Бюро мужчину лет тридцати пяти—тридцати семи, как на глазок определил Сергей. Мужчина был невысок, крепок, одет в черную кожу с массой заклепок и прочих металлических прибабасов. На ногах — сапоги-«казаки» с острыми носами. Типичный байкерский прикид.

— С днем рождения, Сергей Михайлович! — громко заявил посетитель. — Примите от нас всех и от меня лично, не побрезгуйте!

Он водрузил на стол перед Саблиным яркий пакет, содержимое которого весьма недвусмысленно звякнуло. Сергей понял, что это кто-то из тех мотоциклистов, с которыми его свел случай два месяца назад.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Как там дела у ваших товарищей? Поправились?

— Порядок, Сергей Михайлович! Алекс хромает пока, но бодр и весел.

— А второй? Кажется, Макс? С разрывом селезенки. Как он?

Байкер хмыкнул.

— Да тоже вроде ничего. Сергей Михайлович, вы что, не узнаете меня? Это же я, Макс. Максим.

Саблин всмотрелся повнимательнее: действительно, тот самый. Стрижку изменил, что ли?

— Я вас не узнал сразу, — извинился он. — Вы какой-то другой стали.

— Ну да, — весело согласился байкер Макс. — Я волосы покрасил. Это называется «грязный блондин». Потому и не узнали, наверное. Вот пришел «спасибо» вам сказать. Здорово вы тогда помогли. Мне в больнице сказали, что если бы вы не сделали то, что сделали, мне бы кранты пришли. Я вообще-то давно узнал, как вас найти, но раньше не приходил, хотел в день рождения поздравить.

— А как вы про день рождения-то узнали? — удивился Сергей. — Кто вам сказал?

Макс неопределенно пожал плечами:

— Всегда нужно уметь собрать важную информацию о тех, кто тебе интересен. Разве не так?

И внимательно посмотрел на Сергея. «Ну-ну, давай-давай, строй из себя значительную личность», — язвительно подумал Саблин. Важную информацию он умеет собирать! Ишь ты, какой! Да еще о тех, кто ему интересен.

— Стало быть, я вам интересен? — холодно спросил он. — Весьма польщен столь высокой оценкой моей скромной персоны. Благодарю за внимание и за подарок. У вас все?

Байкер в изумлении уставился на него.

— Сергей Михайлович, вы что, обиделись на меня? Ну так я и знал! Вечно я что-нибудь ляпну неподходящее, а люди обижаются. Ну простите засранца, а? У меня язык — как помело, честное слово, несую невесть что, потом сам раскаиваюсь.

Сергей неожиданно расхохотался — до того расстроенный и виноватый вид был у байкера. Макс начинал ему нравиться.

Саблин заглянул в стоящий на столе пакет. Так и есть, три бутылки, все разные, но по виду не дешевые.

— Это виски, — пояснил Максим. — Самый лучший, какой в городе есть.

— Любите виски? — рассеянно спросил Сергей, прикидывая, как лучше поступить с неожиданным подарком: отнести домой и при случае выпивать по рюмочке под настроение; выставить сегодня на стол, когда придут немногочисленные гости, или передарить кому-нибудь, например той же Светлане, пусть у нее к новогоднему столу будет хорошее спиртное, сама она такого небось не купит. Или раздать по бутылке Светлане, Изабелле Савельевне и Таскону, дескать, на рабочем месте пьянствовать я запрещаю, а дома выпейте за мое здоровье, считайте, что я «проставился».

— Нет, — Максим обезоруживающе улыбнулся, — байкеры виски не особо потребляют, мы же все-таки за рулем.

— Да? А что пьют байкеры? — осведомился Сергей.

— Ну, пиво, конечно, но чаще ББЧ.

— Что-что?

— Большой байкерский чай — в пивную кружку кипятка, не меньше двух пакетиков чая, лучше три, и сахар.

«Кстати, — подумал Сергей, — почему бы не предложить ему чаю? А то как-то негостеприимно получается, человек пришел с днем рождения поздравить, а я...»

— Вы, наверное, раньше хорошим врачом были? — простодушно спросил байкер, отпивая осто-

рожно принесенный Светланой горячий чай из чашки в мелкий голубой цветочек.

— Почему — был? — насмешливо спросил Саблин.

— Ну, до того, как вас в трупорезы поперли. Накосячили где-то, да? Или за пьянку выгнали?

Господи, сколько раз Сергею приходилось объяснять несведущим людям суть своей профессии! Надоело. Хотя парень вроде симпатичный, не надо бы на нем срываться и грубить, пусть и очень хочется.

— В медицине «косячить» нельзя вообще, — спокойно заметил он. — Ни в какой ее области. И не надо думать, что есть отрасли медицины, в которых пьянствовать нельзя, а есть такие, в которых можно. Это крайне опасное заблуждение.

— У вас тут морг, — со святой убежденностью произнес Макс. — Тут одни покойники, какая ж тут медицина? Медицина — это когда живых людей лечат, а тут уже мертвые.

— Ну и какая разница?

— Ну как... Чтобы живых лечить, надо много знать всякого, уметь и все такое, а с покойниками-то какая наука? Чего там особенного уметь надо? Разрезал да посмотрел, и всего делов. Любой сможет. Даже меня можно наблатыкать за пару недель.

— Да? Хорошо, пошли со мной, — решительно произнес Сергей. — Посмотришь. А заодно и я посмотрю.

Он легко и незаметно перешел на «ты», и почему-то впервые в жизни ему это не показалось неуместным.

— На что? — Макс недоверчиво прищурился.

— На покойника. То есть на труп. Трупов не боишься?

— Да нет вроде...

— А смерти? Имей в виду: когда идет вскрытие, смерть всегда стоит рядом, за плечом у эксперта. Стоит, дышит ему в затылок и следит за каждым его движением.

— Зачем? — вытаращил глаза Максим.

— А ей интересно, сможет ли человек, обыкновенный смертный, пусть и очень квалифицированный и знающий, разгадать ее тайну. Она загадку загадывает и смотрит, разгадает ее эксперт или нет. Стоит и усмехается, еще и в ухо гадости всякие нашептывает. Не боишься?

— Да нет вроде... — повторил байкер, но на этот раз как-то не очень уверенно.

— Вот и славно. Пойдем. Я его вскрыю, а ты посмотришь и скажешь, как там и чего.

— Да легко! — с воодушевлением откликнулся Максим.

Приготовленный для вскрытия труп был не криминальным, поэтому Сергей вполне мог допустить присутствие в секционной посторонних. Он попросил Макса подождать в приемной, переоделся и повел байкера на первый этаж в помещение морга. Макс шел спокойно, с любопытством оглядывался по сторонам и даже пытался сунуть нос в каждую приоткрытую дверь. Никакого напряжения или испуга Саблин в нем не замечал. Это было странно. Обычно сохранение такого спокойствия лучше удается женщинам, они почему-то меньше боятся смерти и покойников, ведь традиционно даже обмывание и одевание умерших поручалось именно представительницам слабого пола, в то время как сильный пол испытывал перед трупами и вообще всем, что связано с кончиной человека, просто-таки панический ужас, смешанный с отвращением.

В секционной Макс тоже держался ровно, не бледнел, не отворачивался, напротив, следил за

манипуляциями Саблина с нескрываемым интересом и то и дело задавал вопросы:

— А это что? Ну надо же, а я думал, это ниже находится... А вот это что такое? А почему оно такое темное? А это разве такое маленькое? Я думал, оно больше. Ни фиги себе! — воскликнул он, когда дело дошло до сердечной мышцы. — А почему посередине? Оно же слева!

Сергей только покачал головой, не прекращая диктовать медрегистратору. «Ну почему, — уже в который раз подумал он, — почему люди так мало интересуются собственным телом? Почему они ничего о нем не знают и знать не хотят?»

Перед выделением органокомплекса он сделал перерыв на пять минут и посмотрел на Макса, который к этому времени страшно расчихался и без конца утирал льющиеся из глаз слезы.

— Ну? И что ты видишь? Вот я тебе задачу облегчил, все, что сам увидел, вслух проговорил, ты слышал. Так что с человеком случилось? От чего он умер?

Макс пристально рассматривал разрезанное и раскрытое тело. Прошла минута, другая, третья...

— Ни хрена не понять, — удрученно констатировал байкер и снова чихнул. — А вы-то как тут разбираетесь? Это ж башку сломать можно, весь мозг набок съедет. Теперь понятно.

— Что тебе понятно?

— Что про трупорезов фигню всякую несут. Это ж до фигища всего знать надо, чтобы вот так работать.

Он полез в карман и достал огромный не очень свежего вида носовой платок, которым принялся утирать глаза и нос.

— Простыл, что ли, — пробормотал он.

— Да не простыл ты, — усмехнулся Саблин. — Это у тебя аллергия.

— Аллергия? На что? Сейчас декабрь, ничего не цветет, пыльцы нет никакой. Да я и не ел сегодня ничего такого, все как обычно.

— А у нас, Максим, в морге вечная весна, — мрачно пошутил Саблин. — Вечное, так сказать, цветение. У нас тут такие аллергены повсюду используются, что мама не горюй.

— Как же вы тут работаете? — удивился Макс.

— Вот так и работаем, — пожал плечами Саблин. — Все болеем поголовно, кто чем. А нам за это — сокращенный рабочий день и пол-литра молока. Только кого эти пол-литра спасут, когда здоровье окончательно угробишь... Ладно, продолжим. Если тебе надоело или плохо себя чувствуешь — иди, ты уже и так все увидел.

— Нет, — упрямо покачал головой байкер, — я останусь, если можно. Я еще не все понял.

Саблин посмотрел на него недоумевающе.

— И чего же ты не понял, друг Максим?

— Вы про смерть говорили... Про то, что она за спиной стоит... Я не почувствовал. А мне интересно. Можно я подожду? А вдруг почувствую.

— Ну, стой, — усмехнулся Сергей.

— А вы сами почувствовали? Была она здесь сегодня?

— Она и сейчас здесь, пока никуда не ушла.

— Сергей Михайлович, а как это... — байкер замялся. — Как вы ее чувствуете? Холод, что ли? Или воздух колеблется? Или звуки какие-то? Как? Мне на что внимание обратить?

Медрегистратор смотрела на него со странным выражением не то сочувствия к его простодушию, не то неодобрения, которое вызывали в ней разговоры о смерти. Была она женщиной немолодой, много повидавшей и проведеншей в секционной сотни и тысячи часов за долгие годы работы в морге, и про смерть знала побольше иных врачей.

— Ты, сынок, не жди, не присматривайся, — негромко сказала она, — смерть, если захочет, — сама тебе знак даст, тогда и почувствуешь, и даже сомневаться не будешь, сразу точно поймешь: вот она. Стоит рядом. А если специально ждать, то она не покажется. Она тоже прятаться умеет.

— Угу, — подтвердил Саблин, занимаясь органокомплексом, — слушай, что знающий человек говорит. Когда выйдем отсюда — напомним, я тебе таблетку дам от аллергии, а то ты весь на слезы и сопли изойдешь.

Исследование трупа, как и ожидал Сергей, оказалось несложным и недолгим. Нарезав кусочки для гистологии, он разрешил санитару зашивать тело и со словами: «Всем спасибо, все свободны!» — покинул секционную. Максим шел следом, не переставая оглядываться по сторонам.

— А хотите, я вам в морге стены распишу? И совсем бесплатно — только краски ваши? А то что у вас тут — мрачнота какая-то, серость, обыденность. Я бы вам такие стены сделал! И цвет можно подобрать для настроения, и рисунок сделать, хоть пейзаж, хоть абстрактный, какой хотите. Здесь же не одни только покойники, здесь ведь и люди работают, о них тоже надо заботиться, чтобы у них на душе было радостно. Человек должен видеть красоту, а не эти вот ваши монохромные стены мертвенного цвета. Как в морге, ей-богу.

Сказал — и тут же рассмеялся.

Сергей усмехнулся — Северогорский морг в стиле HEAVY METAL. Мечта любого гота! Да они сюда толпами повалят, вместе с доморощенными сатанистами и прочими неформалами.

— Нет, спасибо. У нас медицинское учреждение. С одной стороны, есть этические нормы, общепринятые устоявшиеся взгляды обычных

людей на то, как должно выглядеть медицинское учреждение. А с другой стороны, есть требования СанПина, в которых указано, какого цвета должны быть потолки и стены, чем покрашены и так далее. Рисунков СанПином не предусмотрено. Но я могу тебя свести с директором похоронной службы, он как раз ремонтирует и оформляет по-новому Зал прощаний. Покажешь ему эскизы — может быть, и сговоритесь...

— А СанПин — это что за хрень? Начальник краевой, что ли?

— Это санитарные правила и нормы, утвержденные Минздравом и обязательные для всех медицинских учреждений.

— Так это для медицинских же! А у вас тут... Ой, простите, Сергей Михайлович, опять я пургу какую-то гоню, — смутился Максим. — Никак не перестрою мозги в том направлении, что ваши трупы это тоже медицина, да еще, пожалуй, и покрупче, чем бабкам давление мерить или прыщи лечить.

Сергей стал подниматься на второй этаж, Максим следовал за ним как привязанный.

— Ты художник, что ли? — спросил Саблин.

— Ну... как сказать... — Байкер рассмеялся. — Вообще-то да, художник. Но работаю в школе, преподаю рисование и черчение, кружок веду по истории живописи, студию тоже веду, учу детишек рисовать. Ну и всякие там праздники оформляю, наглядную агитацию.

— Художник? — фыркнул Сергей. — Какой же ты художник, если строение человеческого тела не представляешь? Вас ведь должны специально учить, разве нет?

— Так скелет же только и мускулатура, то есть то, что проявляется во внешней форме. А внутренности всякие мы не изучали.

— А ничего, что ты байкер? Это твоей репутации учителя не вредит? — осведомился Сергей. — И облик у тебя несколько, сам понимаешь...

Он сделал неопределенный замысловатый жест рукой.

— Так облик-то только для байка, — пояснил Максим. — Я же в школу в «косухе» не хожу. Для работы у меня джинсы и свитер, как у всех.

— А прическа? — поддел его Саблин. — Ничего, что мужчина-учитель красит волосы? По-моему, это противоречит дресс-коду школьного педагога.

— А! — Максим беззаботно улыбнулся. — Это сейчас я еще приличный, все-таки возраст, сами понимаете, а раньше я вообще с такой головой в школу ходил! Меня завуч воспитывать замучилась. Потом отстали, когда поняли, что детям нравится: я человек творческий и их к творчеству приобщаю, а творчество — оно ведь рамок и канонов не признает, оно должно быть свободным и ничем не ограниченным.

За разговором они дошли до приемной, в которой Максим оставил огромного размера теплую длинную куртку. Саблин был уверен, что сейчас байкер оденется и уйдет, но тот не спешил прощаться.

— Вы мне еще таблетку обещали, — напомнил он, в очередной раз чихнув и шмыгнув изрядно покрасневшим носом.

Сергей завел его к себе в кабинет и стал рыться в ящике стола в поисках лекарства, которое всегда держал на рабочем месте.

— Держи, — он протянул Максу продолговатую голубую таблетку, — выпей прямо сейчас, минут через двадцать все должно пройти. Иди-иди, — улыбнулся он, глядя на байкера, который мялся возле двери, — тебе Света водички нальет, запьешь